4

Защищая свой тезис о возможности знакомства русского летописца с западными преданиями и даже, быть может, латинскими хрониками, П. М. Бицилли пишет: «Везде и во всякое время женщины, особливо вступающие в браки с владетельными конунгами, оказывались самыми действительными проводниками иноземного культурного влияния. Есть, кроме того, и неопровержимые доказательства того, что то же самое было и у нас на Руси. Надо думать, что эти немецкие принцессы, бывшие замужем за Ярославичами, приезжали на Русь не одни, а с собственным двором, в котором были, без сомнения, и капелланы и духовники».[1] Если это положение справедливо, то оно вполне применимо и к английской королевне. Более того, мы имеем право предположить, что в данном случае имелись особопобудительные причины для приезда на Русь, вместе с Гитой, бо́льшего, чем обычно, количества ее соотечественников. Гита должна была приехать в сопровождении некоторой свиты, которая должна была состоять не только из датчан, данных ей в спутники королем Свеном, но и бежавших вместе с нею англо-саксов. Во всяком случае, достойно любопытства хронологическое совпадение двух дат: приезда ее на Русь и последних попыток находившихся в Дании англо-саксонских эмигрантов вести борьбу с норманнами, все прочнее утверждавшимися в Англии. До тех пор в некоторых частях Англии еще были живы надежды на реставрацию, но в 1074 г., как раз около того времени, когда Гита уехала на Русь, всем этим надеждам был нанесен самый решительный удар. Разгром датского флота, посланного королем Свеном для борьбы с завоевателями и достигшего в 1074 г. р. Гумбера,[2] окончательное покорение Нортумбрии, смерть от руки норманнского палача графа Вальдгеофа, вдохновителя датской интервенции и организатора встречных восстаний в Англии, — все это положило конец прежним иллюзиям и послужило толчком к эмиграции, которая все усиливалась к концу XI ст. Поток англо-саксонских беглецов направляется, между прочим, и в Византию, и с конца XI ст. у византийских императоров оказывается целая английская дружина, постепенно вытесняющая собой норманнов.[3] Отчего не предположить, что некоторая часть подобных же вольнонаемных воинов могла попасть и на Русь, к Владимиру Мономаху, любившему свою дружину и нуждавшемуся в ней при своей беспо-

[1] П. М. Бицилли. Западное влияние на Руси и начальная летопись, Одесса, 1914, стр. 20.

[2] J. J. Worsaae. An Account of the Danes and Norwegians in England, Scotland and Ireland, London, 1872, p. 173—174.

[4] В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды В. Г. Васильевского, т. I, СПб. 1908, стр. 355 и сл.